

ДЕПОРИТ "ЦИРК ОЛИМП"

ИВАН ЛУЧУК

УКРАИНСКИЕ И ЕВРЕЙСКИЕ КОРНИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

1997 № 20

Иван Лучук живет во Львове. Поэт-экспериментатор, литературовед, критик, редактор и издатель, автор нескольких книг стихов и эссе, собиратель антологий палиндромов. Иван является представителем новой волны украинского искусства, можно сказать, "новым украинцем" в современной культуре. Его статья, присланная в "Цирк "Олимп", в определенной степени характеризует как "специфические" отношения между интеллигентиями "братских" республик, так и стремление значительной части молодых украинских литераторов выйти за пределы национальной акцентуации к непосредственному участию в общеевропейском художественном процессе.

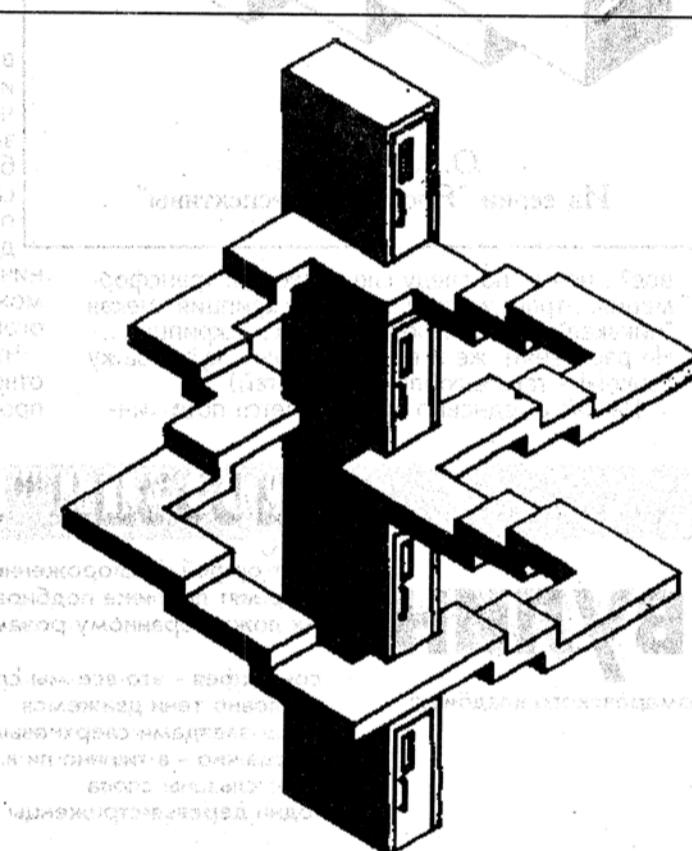
Корни поэзии,- может это и слишком громко сказано в данном контексте. Но если они отражают этническое происхождение колossalных поэтов и определенные мировоззренческие компоненты творчества,- то и быть им корнями. Для русской поэзии обозначенного периода характерными и квинтэссенциальными могут быть десятки имен и явлений,- но мною (в силу субъективности подхода) выбраны именно мои излюбленные корифеи: Осип Мандельштам, Владимир Маяковский, Борис Пастернак и Велимир Хлебников. "Я - поэт. Этим и интересен", - писал о себе В.Маяковский. Эти четыре любимица муз интересны мне именно потому, что они поэты, блестящие поэты. Со-причастность их русской поэзии бесспорна, аксиоматична, ибо писали они по-русски и осознавали себя русскими поэтами. Это очевидно, и в принципе не требует доказательств. В данном же сюжете хочется обнаружить и определить украинские или еврейские корни каждого из этих четырех без сомнения первоклассных русских поэтов первой трети XX века (период очерчен весьма относительно, ведь в самом начале столетия эти поэты дословно еще созревали к творческой жизни, а первая половина столетия кажется слишком широким и размытым понятием для этой конкретной квадриги поэтов,- стоит взглянуть лишь на годы смерти каждого из них: 1922, 1930, 1938, 1960, - а оправдан обозначенный период может быть тем, что самые важные поэтические произведения этих авторов были написаны как раз в первой трети столетия). Украинские корни обнаруживаются применительно к Маяковскому и Хлебникову, а еврейские - к Мандельштаму и Пастернаку; это так, но не исключены и взаимопереплетения, конкретные рефлексии и непривычные аллюзии в этом вопросе;

Владимир Маяковский как-то в разговоре с сотрудником газеты "Правер Прессе" рассказывал о себе: "Родился я в 1894 году на Кавказе. Отец был казак, мать - украинка. Первый язык - грузинский. Так сказать, между тремя культурами". Как видно, Маяковский осознавал свою причастность к трем культурам, точнее - свое место между тремя культурами: русской, украинской и грузинской. Подтверждение этому (уже на языковом уровне) находим в его стихотворении "Нашему юношеству": "Три // разных истока // во мне // речевых. // Я // не из карапов-разинь. // Я - // дедом казак, // другим - // сечевик, // а по рождению // грузин."

Какие же в самом деле эти "три истока речевых"? Задекларировано: "казацкий", "сечевой" и грузинский. С грузинским вроде бы все ясно, "сечевой" следует считать украинским, а "казацкий" - русским. Украинец по матери, Маяковский и отца имел украинца, по происхождению из кубанских казаков. Украинский этнический состав кубанского казачества общеизвестен. Но его отец был официальным российским служащим и пользовался официальным русским языком. Язык официального общения и образования не мог, наряду с украинским и грузинским, не принадлежать к трем языковым истокам Маяковского. И как раз этот язык заполучил в лице Маяковского своего великого поэта. И стал он поэтом, по собственному признанию, благодаря Давиду Бурлюку - тоже украинцу. Но реализовался Маяковский в русской культуре, только в ней он видел свое существование, его амбиции могла удовлетворить только причастность к устоявшейся глобальной культурной традиции, борясь с которой, он мог ее надстраивать. Вопрос: почему Маяковский стал русским, а не украинским поэтом? - мог бы выглядеть довольно странно, если бы не существовали определенные характерные аналогии. Выбрать можно хотя бы одну такую аналогию - судьбу украинского поэта Юрия Дарагана (1894-1926), яркого представителя "пражской школы" в украинской поэзии, автора изумительного поэтического сборника "Сагайдак" (1925).

Интересно проследить - как и почему Юрий Дараган стал именно украинским, а не русским поэтом. У Юрия Дарагана были все предпосылки стать русским поэтом. Хотя и родился он на Украине (а отец его - украинец - умер за три месяца до его рождения), но с самого детства жил в Грузии, в Тифлисе, а мать - грузинка - воспитывала его в русском духе. Как свидетельствует сам Ю.Дараган в автобиографическом письме к Н.Шаповалу, в ранней юности его душой полностью владели по очереди Брюсов, Бальмонт, Блок, Андреев, Сологуб, Городецкий, и лишь потом у него осталась триада кумиров: Блок, Гамсун и Уайльд. Стихи писать Дараган начинал по-русски, а печатал их в журналах "Закавказье" и "Хмель" и в альманахах "Поросль" и "Иммортели". Украинское самосознание, глубоко сидевшее в нем, проснулось лишь во время украинской революции и потерпевших крах освободительных войн. Тогда Дараган и начал писать стихи уже по-украински, а сформировался его поэтический талант уже в эмиграции в Чехословакии,- но этот творческий апогей был весьма краток. В данном случае может сложиться впечатление парадоксальной ситуации. Маяковский был, так сказать, более этническим украинцем, чем Дараган. Маяковский был грузином только по месту рождения, а Дараган был грузином по матери. Маяковский от своей матери взял украинский язык, а Дарагана мать воспитывала как русского. Оба имели изрядный поэтический талант, но слава Маяковского и неизвестность Дарагана находятся на диаметрально противоположных полюсах. И неужели дело в том, что судьбе было угодно, чтобы Маяковский стал русским поэтом, а Дараган украинским?

Велимир Хлебников, которого Маяковский считал величайшим поэтом среди своих современников, поэтом для поэтов, по происхождению был украинцем (по матери). Сам Хлебников писал в своей автобиографической заметке: "в моих жилах есть армянская кровь (Алабовы) и кровь запорожцев (Вербицкие), особая порода которых сказалась в том, что Пржевальский, Миклуха-Маклай и другие искатели земель были потомками птенцов Сечи". Кровь запорожцев,- то есть украинская кровь, ведь мать поэта - Екатерина Николаевна Вербицкая - была украинкой. У Хлебникова, в принципе, очень много украинских элементов - на разных уровнях. Посмотрим хотя бы на его имя-псевдоним: Велимир. Исследователи творчества и личности В.Хлебникова выделяют две основные этимологии хлебниковского имени Велимир. Так, А.Парнис, рассматривая южнославянскую тему творчества В.Хлебникова, делает свой вывод: "Выбор Хлебниковым литературного имени также непосредственно связан с его увлечением южными славянами. С 1909 года он принимает распространенное на Балканах и встречающееся в эпических песнях имя Велимир, и переосмыслия и мифопоэтизируя его, создает свой литературный псевдоним - Велимир Хлебников." Но В.Григорьев допускает иную этимологию хлебниковского имени-псевдонима: "Можно высказать остроожное предположение, что источником имени Велимир явилась не непосредственно южнославянская антропонимия, а статья Я.Головацкого "Червонорусская литература", знакомство Хлебникова с которой более чем вероятно при его интересе к Галиции ... Если так, то украинский компонент хлебниковского идиостиля и всего его творчества получает, кроме биографических и иных объяснений, также своего рода "этимологический" и "культурно-исторический" подтексты". Чтобы убедиться в правомочности такого "осторожного предположения", следует все же взглянуть, какую же информацию мог Хлебников почертнуть из статьи "Червонорусская литература", в которой Я.Головацкий (на уровне первоисточника) писал о себе и своих соратниках из круга "Русской Троицы": "Несмотря на наши скучные знания по части народного языка, мы начали писать на нем стихи и статьи, с твердою решимостью создать галицко-русскую народную литературу. Затем, чтобы освятить задуманное дело чем-нибудь торжественным, мы приняли славянские имена, дав себе честное слово под принятым именем писать и действовать на пользу народа и во имя возрождения народной словесности. Явились: Руслан (Маркиан) Шашкевич, Далибор (Иван) Вагилевич, Ярослав (Яков) Головацкий, впоследствии к ним присоединились: Велимир Лопатинский, Мирослав Илькевич, Богдан (Иван) Головацкий и другие". Эта статья была напечатана в качестве предисловия к одному из разделов антологии Н.Гербеля "Поэзия славян". Читая эту антологию, Хлебников имел возможность ознакомиться с различными образцами поэзии славянских народов, а также не мог обойти вниманием информацию о деятелях "Русской Троицы" и о "четвертом с троицей" - Велимире Лопатинском. Если южнославянские (болгарские, сербские и хорватские) словарные источники фиксируют это имя в написании: Велимир (Велемир) и Velimir, то в статье Головацкого это имя (в соот-

О.Ройтерсверд. Из серии "Японские перспективы"